

Первичный формальный аппарат прагматической функции — это аппарат локации; он состоит из индексирующих знаков, которые могут быть определены только непосредственно в их отношении к протекающему акту речи. В индоевропейских языках это элементы 'я' — 'здесь' — 'сейчас'. 'Я' определяется как субъект речи, называющий себя я в пределах одного акта высказывания. Таким образом я это слово, референт которого есть его собственное употребление, аутореферентное слово. 'Здесь' определяется как местонахождение субъекта, определяющего себя как я. 'Сейчас' определяется как время говорения субъекта речи, определяющего себя как я. Это время есть актуальное настоящее, оно не соотносимо непосредственно с прошедшим и будущим, а есть настоящее *par excellence*, в его ряду нет других времен. Слова я, это, сейчас как объекты обычного грамматического описания — это всего только «имена» метаязыка, прилагаемые к тем я, это, сейчас, которые существуют лишь в протекающем акте высказывания¹¹. Сходные, и очень интересные, определения «настоящего», отдельно 'я', отдельно 'здесь' даются в последнее время несколькими авторами¹², но нашей целью было показать единство этих категорий, выражающее их сущность.

Все эти три основных словесных знака могут быть заменены в своей первичной функции простым указанием — жестом. При этом 'я' и 'здесь' передаются жестом, указывающим на говорящего и на место рядом с ним, а 'сейчас' может быть сведено к жесту, обозначающему место.

В той мере, в какой аутореферентные указатели системы 'я — здесь — сейчас' имеются в неиндоевропейских языках, они и там должны рассматриваться как принадлежность аппарата прагматической функции. Однако в некоторых из неиндоевропейских языков этот аппарат представлен еще и другими категориями. К нему следует отнести категорию «отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности» (франц. «aliénable — inaliénable», по другой терминологии «органической — неорганической принадлежности»). Эта категория разбивает имена на два класса, типичным представителем класса «неотчуждаемой принадлежности» выступают обычно части тела, другие же классы могут варьироваться от языка к языку. Ограничимся здесь двумя примерами. Названная категория имеется в австронезийских языках на побережье Новой Гвинеи. В тех же языках существует другое деление существительных на классы — по категории «одушевленности — неодушевленности». Обе классификации сосуществуют, перекрещиваясь в разных языках этой группы самым произвольным образом. Уже одно это заставляет видеть в этих двух классификациях аппараты двух различных функций. Действительно, классы, устанавливаемые языком на основе принципа «одушевленности — неодушевленности», принадлежат, как мы стараемся показать ниже, к аппарату номинативной функции и входят в один ряд с такими явлениями, как именные классы банту и роды индоевропейских языков. Исследователи отмечают, что в австронезийских языках, о которых идет речь, обе классификации различаются не только современным содержанием, но и происхождением своих форм, первая имеет морфосинтаксическую природу, в то время как вторая — чисто морфемную. Подобные наблюдения очень важны, ниже они позволят нам поставить вопрос о том, на какой основе совершается синтаксическое согласо-

¹¹ Cp. Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation. — *Langages*, 1970, 17, стр. 15 и др.; его же. Nature des pronoms. — *Problèmes de linguistique générale*; Kurylowicz J. Podstawowe kategorie morfologiczne. — *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, 1971, XXVIII.

¹² Поспелов Н. С. О соотношении грамматических значений глагольных форм времени в русском языке. — В сб.: *Проблемы современной лингвистики*. Изд-во МГУ, 1968; Dombovsky J. Langue «actuelle» et langue «inactuelle» («infralange» et «supralange»). — *«Slavica»*, Debrecen, 1970, t. X.